

Александров Игорь Петрович
Сержант / Командир партизанского отряда
1921 - 22.03.1944

История солдата

Александров Игорь Петрович. Пишу об этом человеке не только потому, что знаю, уверен, что он – настоящий герой. Но еще и потому, что считаю своим моральным долгом оставить для истории как можно больше сведений о нем и о тех, кто сражался рядом с ним. Это мой моральный долг перед моей мамой, оставившей мне перед смертью огромный рукописный том воспоминаний о войне. Именно из этих воспоминаний я узнал имя командира 28-го партизанского отряда Круглянской военно-оперативной группы, Игоря Александрова.

Скорее всего, у него не осталось родных, некому разместить сведения о нем на сайте «Бессмертного полка», некому пройти с его портретом по улицам и площадям наших городов в святые, великие и скорбные для нас всех дни, когда мы всей страной отмечаем очередную годовщину Победы. беру эту почетную обязанность на себя.

Итак, **Игорь Александров**, 1921 года рождения (число и месяц мне пока не известны), в 1939 году призван на службу в Красную Армию. Призывался Кировским райвоенкоматом города Уфа. Адрес, по которому он проживал до армии с мамой: г. Уфа, ул. Цурюпы, д. 7, кв. 1. Сейчас, судя по Яндекс Картам, по этому адресу расположен крупный торговый центр. От того старого довоенного города не осталось и следа.

После школы сержантов служил в 12 стрелковом полку 53 стрелковой дивизии, дислоцировавшихся в Белоруссии. Здесь, в Могилевской области, его и застала война. Тяжелые бои, окружение, плен, Борисовский лагерь для военнопленных. Из плена он бежал. В белорусских лесах разрозненные группы бойцов Красной Армии стали создавать очаги сопротивления немецким оккупантам. Из этих групп затем организовывались более крупные подразделения - партизанские отряды. В один из таких отрядов, 28-й, и вошел Игорь Александров. Позже он станет его командиром.

Погиб Игорь Петрович Александров 22 марта 1944 года. Похоронен партизанами в деревне Дулебы Березинского района Минской области. Ему было от роду всего 22 или 23 года...

Далее, в разделе "Воспоминания" я буду размещать отрывки из воспоминаний моей мамы, Галынской Екатерины Демидовны, 1921 года рождения. Девичья фамилия - Баранова. Она была членом Круглянской подпольной организации ОБЗОР ("Организация борьбы за освобождение Родины", Могилевская область, Белоруссия). Когда над ней нависла угроза провала, подпольщики переправили ее к партизанам. Она стала разведчицей в 28-м партизанском отряде, командиром которого в то время уже был Игорь Александров.

Воспоминания

10 октября 1943 года. Уход к партизанам. Первая встреча с Игорем

По договоренности Лёни Ракушева* (командир подпольной организации ОБЗОР -- МГ) с командованием отряда, местом встречи «трёх подруг» с партизанами назначалась деревня Шелковинье — в 6 км от Круглого** (современная карта показывает, что это расстояние равно 14 км – МГ). Крайняя хата к лесу, время встречи — полночь. То самое Шелковинье, где два месяца спустя будет убит из немецкой засады Михаил Шведов со списками

подпольщиков.*** (подробнее об этих событиях я напишу на страничке моей мамы -- МГ).

До деревни мы добрались без приключений, нашли хату, дождались вечера, потом и ночи. Ожидали напряженно, волновались, конечно, очень, и не от какого-то там беспокойства, а от особой важности, значительности и торжественности «исторического» момента.

Партизан мы представляли сказочными героями, сильными, отважными, обязательно молодыми и красивыми. Такими они и были.

Ждем... Вслушиваемся в звуки... шорохи... И вот среди ночи послышался приближающийся конский топот... Ближе... Ближе... Приглушенные голоса...

Всадники остановились у хаты. Спешились.

В хату вошли человек пять.

Кто есть кто — мы не знали, но командира сразу среди них узнать было нетрудно. Он вошел первым, светя фонариком. В хате было темно. В свете фонарика он хорошо видел нас, мы его — не очень.

Это и был командир 28-го партизанского отряда Игорь Александров.

— Здравствуйте, девки!

— Здравствуйте, — отвечаем.

— Где фронт-то, знаете?

— На Соже, а кое-где и поближе, — это я выступила на правах ведущей в группе трех.

Ответила таким же бодрым тоном, каким и вопрос был задан.

— Как зовут тебя? — обращается ко мне.

— Катя.

— Катерина, значит. А меня — Игорь, — и тут он свет своего фонарика перевел с нас на свое лицо, мол, смотрите, какой я есть, запоминайте. Это выглядело как-то по-мальчишески наивно, в общем, по-доброму славно, по-дружески просто. Так состоялось наше знакомство. Номер с фонариком сразу незаметно сократил официальное расстояние между нами.

Позже, уже в дружеской беседе с ним я вспомнила этот «номер с фонариком» и, слегка подтрунивая над ним, спросила, зачем он так себя высветил. Он объяснил, что «увидел перед собой девок не совсем обычных, то есть незаурядных».

Своих спутников тогда ночью он не представил, но в беседе с нами все они принимали участие. Беседа состоялась основательная по принципу: Кто есть кто? Откуда? Как? Что? Зачем? Поиспытали нас вопросами со всех сторон. Отвечали мы бойко, четко, внятно, без запинки.

Уходя, Игорь крепко пожал всем нам руки, и мне показалось, что мою руку в своей он задержал...

Утром нас отвезли в партизанскую деревню.

Игоря мы рассмотрели вначале при свете фонарика, потом при свете зажженной лучины. Молодой, красивый, статный. Глаза, светящиеся огнем и задором. По-хорошему, по-молодому гонорливый. На нем была военная гимнастерка, ремни командирские, автомат через плечо, пистолет сбоку в кобуре на ремне, фуражка военная с красной звездочкой. Фуражка немножко набекрень, как носили герои.

Было ему в ту пору едва за двадцать — и такая ответственная миссия — командовать боевым отрядом в тылу лютейшего врага.

Власть над людьми, их жизнями в условиях бесконечно меняющейся по чужой злой воле обстановки — ко многому обязывала.

В тот год осенняя погода стояла долго на дворе

Октябрь в тот год выдался чудесный, точь-в-точь, как в моем любимом романсе:

«Осень, прозрачное утро,

Небо как будто в тумане,

Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, тайное».

Днем солнце хорошо пригревало. Бабье лето. Впечатление такое, что уже не лето, конечно, но еще и не совсем осень. Сплошное «очей очарование» и ни малейшей тени унылости в природе. Осень как бы еще хранила все краски лета и даже какую-то неповторимую свежесть весны. Ни одну осень в своей жизни я не помню так отчетливо. То впечатление усиливалось, несомненно, новой партизанской обстановкой.

За два года в подполье приходили — проходили и вёсны, и осени, но тревожная жизнь среди врагов не настраивала на созерцание красоты природы. Все выглядело мрачным в самый ясный день.

Следующий день прошел спокойно в партизанской деревне. Ждали дальнейших распоряжений. На ночь улеглись спать с Мунькой на кровати. Фруза пристроилась на широкой лавке. Радовались, что мы у партизан. Поначалу слегка тревожились... Дальние выстрелы, разные шорохи казались опасными, напоминали о врагах. Спали не раздеваясь, снимали только сапоги. Вообще первое время беспокойно спали, знали, что немцы и полицаи и не так уж далеко, могут нагрянуть нагло и нахально. Пообвыкнув, спать стали надежнее. Чуть выдастся свободный часок-другой, хоть ночью, хоть днем (по ночам ведь часто на задания ходили) и спишь себе

«...хоть голоден, хоть сыт,

Хоть один, хоть в куче.

Спать за прежний недосып,

Спать в запас научен».

«Лучше нет, как без хлопот,

Без перины, без подушки,

Примостясь кой-как друг к другу,

Отдохнуть... Минут шестьсот».

Насчёт «шестисот» — это голубая мечта. Спали больше урывками.

Фруза наша давно уже посапывала-похрапывала, а мы с Мунькой — две неугомонные души — все никак не могли наговориться. Перебирали в памяти всякие детали нашего ухода из Круглого, впечатления от встречи с партизанами, с Игорем. Рассказывали друг другу в который раз истории своих романов и романчиков, встреч и расставаний, больше не о том, что случилось, а о том, что думалось.

Двадцать лет — самый «сезон любви».

Болтали... болтали... шутили... иронизировали... приглушенно хохотали, боясь кого-нибудь разбудить, а от этого сдерживания хохот разбирал ещё пуще. Подтрунивали дружески над самими собой и над всем на свете. Я вообще была хохотуха. В молодости так много находится всевозможных поводов для смеха. До войны, в общегититии на Фонтанке я хохотала раскатисто, не сдерживаясь, во весь рот. Раздававшийся с первого этажа мой хохот безошибочно узнавали и на четвертом этаже.

Наконец-то и мы с Мунькой утихомирились, уснули. Я первая услышала приближающийся конский топот. Хозяйский стук в окно, по-партизански решительный, но не нахальный, как это делали немцы и полицаи. Хозяйка открыла дверь, зажгла лучину. Явился Игорь — в полном боевом.

— Здравствуйте, девки! Чего это вы, клушки, так рано спать залегли? А ну-ка подъем! Вскоре в хату вошел и его «адъютант»-ординарец Борька (поставил коней, дал им корм), выглядевший пацаном, да и было-то ему лет 14-15, не больше. С собой у них была самогонка, хлеб, сало, лук. Быстро накрыли стол.

— Манька, Фруза, Катерина, присаживайтесь.

Пришли. Выпили как следует. От того, что пили вместе с геройским командиром партизан, Игорем, и под его тосты, самогон казался ароматнейшим шампанским. Среди нас тогда считалось, что настоящий партизан должен уметь пить не пьянея.

Разговоры всякие разговаривали, и я вскоре заметила (снова мне показалось...), что Игорь

в застольной беседе предпочитает обращаться почти только ко мне, что мою компанию он предпочел бы общей. Подружки мои это тоже смекнули и засобирались спать. Их он не удерживал, меня же попросил остаться: «посидим, познакомимся поближе, побеседуем». А почему бы и нет?

Сели на лавке около хаты. Вел он себя на удивление просто, непосредственно, доверительно. Он много рассказывал о себе.

Родился в Чебоксарах, позже жил с матерью в Уфе до службы в армии. Об отце ничего не говорил, и я не расспрашивала. Учился в школе. Затем служба в армии, школа сержантов. В армии его и война застала.

Воевал в Белоруссии. Окружение. Неудавшиеся попытки выхода из окружения. Плен. Побег из плена зимой 1941 года. В их группе было четверо — младших командиров Красной Армии. Все они стали впоследствии командирами партизанских отрядов. Зимой 1941-42 годов они не в приемы к бабам в деревни пошли, как некоторые, а уже всерьез подумали развернуть борьбу с оккупантами. Для начала вырыли в лесу землянки, чтоб было где укрыться зимой. Понемногу собирали оружие, присматривались к людям в деревнях, искали союзников по борьбе. За зиму обросли бородами, изрядно одичали. Весной лес зашевелился, загудел. Создавались партизанские группы, а потом и отряды. Игорь вначале был командиром взвода в «отряде Сашки» (Александра Терновского). С теплотой и нежностью рассказывал Игорь про мать. Показал последнее письмо от нее (самолеты с Большой земли вместе с оружием и медикаментами иногда доставляли и почту). Письмо от матери мы прочитали вместе при свете фонарика.

«Дорогой Гриша!

Я знаю, что тебя окружают опасности, но мое материнское сердце чувствует, что у тебя все будет хорошо и мы с тобой еще обязательно встретимся, сынок» ...

Гриша — так его называла мама. Это и было его настоящее имя. Игорь — это уже партизанское имя, и оно ему очень шло. Молва о замечательных боевых делах его отряда гремела на всю округу. Это было современное «Слово о полку Игореве».

— Вот так, Катерина, материнское сердце чувствует, что никакая пуля меня не возьмет. Мама верит в это, верит в нашу встречу... Значит, так и будет... Я тоже верю в это. Я удачливый.

Уехали они в ту ночь с Борькой очень поздно.

Назавтра меня вызвали в штаб отряда, располагавшийся в глубине леса. Был вечер, красивый осенний вечер. За лесом садилось солнце, уже холодное, но еще довольно яркое. На поляне, плотно окруженной со всех сторон лесом, стояли в кружок человек шесть — все руководство отряда. Слышался оживленный разговор, взрывы смеха. Такие они все молодые, жизнерадостные, сильные. Среди них явно выделялся Игорь.

— «Он здесь хозяин — это ясно», — подумалось мне.

Фуражка с поблескивающей красной звездочкой на фоне заходящего солнца слегка заломлена на затылок, вид бравый. Тон в разговоре немножечко ироничный, уверенный. Ему импонировало быть командиром партизанского отряда. Он очень соответствовал этой роли и, как теперь говорят, смотрелся.

Он был героем того лихого времени, героем нашего времени.

Разговор со мной вели всей гурьбой, но в основном Игорь, конечно — о том, какие задания мне предстоит выполнять. Беседовали они со мной по-простецки, присматривались не без любопытства, задавали всевозможные вопросы: что бы я смогла и что нет. Например, спросили, смогла бы я сходить в Круглое и добыть оружие. В Круглое? Где даже дом Кулины, у которой я жила в последнее время, перевернули вверх дном после моего ухода и сожгли. Круглое, откуда я и ушла, потому что оставаться дальше не имело смысла ни для дела, ни для моей жизни.

Но я поняла, что они поиспытать меня решили. Для начала мне предстояло, базируясь в партизанских деревнях, вести наблюдение за движением по дорогам немцев и полицаев, за изменениями во вражеских гарнизонах.

От штабной полянки в тот вечер я пошла в Каменку. Темнело. Дорогу я знала. Прошла совсем немного, когда услышала скрип догоняющей телеги. Поравнявшись со мной, Борька — а это был он — сказал:
— Девушка, садитесь. Командир приказал подвезти.
Такое внимание Игоря стоило благодарности.

И осенью бывает весна...

Встречи с Игорем продолжались. Приезжал он, как обычно, с Борькой. Свидания наши затягивались иной раз чуть ли не до утра. Вспоминали довоенное время. Рассказывали друг другу что-то простое, забавное... О чем бы ни говорили, все представлялась значительным, трогательно интересным... Все, о чем говорили, было недавно, но наглухо отгороженное войной, казалось давним, как будто происходило в какой-то другой жизни. О войне, о делах отряда почти не говорили. Больше рассказывал он, а я с удовольствием слушала. Как просто он вел себя, даже как-то по-мальчишечьи наивно. В его откровенных рассказах о себе и вообще во всех его словах чувствовалось доверие, уважение ко мне, заинтересованность, душевный подъем.

Знайте, каким он парнем был!

Несколько подробнее о конкретных боевых делах Игоря как подрывника-разведчика (с апреля 1942 г.) и как командира 28-го партизанского отряда (с июля 1943 г. по март 1944 г.)

Как я уже писала, Игорю с группой военнослужащих Красной Армии удалось бежать из Борисовского лагеря военнопленных. В то время группки и группы солдат и командиров Красной Армии скрывались по лесам, соединялись, организовывались, готовились к серьезной борьбе с оккупантами.

Игорь примкнул к Жуинцам* (Жуин С.Г. - один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии, командир 8-й партизанской бригады, Герой Советского Союза -- МГ) через бежавшего ранее из Борисовского лагеря Акима Айсаева. Игоря, как ранее и Акима, определили в разведку, которой в то время руководил Александр Терновский, ставший впоследствии командиром 28-го комсомольско-молодежного партизанского отряда.

Игорь был счастлив, что попал к своим, и, главное, что появилась реальная возможность продолжать борьбу с врагом.

Комбриг Жуин всегда отмечал, что Игоря Александрова отличала боевая отвага, мужество, незаурядная военная смекалка, волевой характер.

Из бесчисленного множества выполненных боевых заданий, осуществленных боевых операций — вот лишь некоторые наиболее характерные:

Весной 1942 г. группа партизан (около 30 человек) с участием Игоря разгромила две волостных управы, молочно-приемный пункт, пустила под откос два немецких эшелона с боеприпасами и военной техникой, обстреляла казарму гитлеровцев в одной из деревень. Помощь с боеприпасами и взрывчаткой партизанам оказали встреченные в лесу советские военные с Большой Земли. Особо отличился в этой операции подрывник-разведчик Игорь. В мае 1942 г. группа, в которую вместе с Сашей Терновским, Игорем и Акимом, входили еще несколько партизан, изготовила самодельную мину, с помощью которой уничтожила немецкий паровоз и три вагона. Движение по железной дороге от ст. Толочин было остановлено на 6 часов.

От «Бородача» ** (кто это, объяснений нет — МГ) с Большой Земли Игорь доставил в отряд несколько готовых мин, что обеспечило осуществление серьезной железнодорожной диверсии на перегоне Славное-Толочин. Игорь с тремя партизанами перед рассветом заложили взрывчатку с колесным замыкателем. По вагонам взорвавшегося эшелона, по

выскакивавшим из вагонов гитлеровцам партизаны открыли шквальный огонь. Весь состав был разбит, уничтожено около 200 фашистов.

В начале июля 1942 г. Игорь с двумя партизанами, завидев рано утром приближение направлявшегося к фронту железнодорожного состава возле станции Славное, произвели взрыв заложенных ранее мин — при помощи чеки их шнура. Состав полетел под откос, волоча за собой вагоны.

Весь партизанский отряд, выведенный на опушку леса заранее, наблюдал результаты удачно спланированной и мастерски проведенной операции.

И снова операции «на железке». На этот раз среди бела дня — у Красновки. Игорь с напарником имели при себе мину с часовым механизмом и вторую — с батареей. Игорь пополз к железнодорожному полотну, а Леонид следил, чтобы не появился патруль. Неожиданно застрочил пулемет, раздались винтовочные выстрелы. Видимо, патруль фрицев заметил что-то и открыл стрельбу. Партизаны бросились в лес. Стрельба вдогонку продолжалась. Игоря ранило в правый бок. Рана, к счастью, оказалась легкой.

Но мина, заложенная Игорем, в назначенное время сработала — взорвался паровоз с платформой, нагруженной рельсами, на платформе были еще и саперы с пулеметами.

Как отмечало партизанское командование, Игорь Александров «особенно отличился при разгроме мартыновичского гарнизона». Эта боевая операция, осуществленная зимой 1942 года, была одной из крупнейших, особо важных и значительных. За этот крупный гарнизон немцы крепко держались. В нем пересекались почти все основные пути, ведущие из Бельничского и Круглянского районов на станцию Славное. Эту деревню немцы использовали для наблюдения за передвижениями партизан. Разгром этого гарнизона открывал партизанам путь в глубь Круглянского и Толочинского районов. Операция силами нескольких отрядов была проведена успешно: гарнизон был полностью разбит.

С богатыми трофеями и продовольствием возвратились партизаны на свои базы. Тогда взяли 12 станковых и ручных пулеметов, 2 миномета, более 100 винтовок, много патронов. Еще были захвачены около сотни лошадей с седлами.

Не обошлось тогда без потерь и среди партизан.

С июля 1943 года Игорь Александров действовал уже как командир 28-го партизанского отряда. Действовал смело, дерзко, решительно.

В августе 1943 года связные и разведчики отряда доложили об ожидаемом пополнении у немцев в гарнизоне бывшей Павловичской МТС. Когда? Точно не знали. Устроили засады, заняли оборону. Только на вторые сутки показались одна за другой две колонны гитлеровцев. Их подпустили метров на 60, и тогда заговорили пулеметы, винтовки, пошли в ход гранаты. Колонна смешалась. Уже около часа длился бой. У фрицев превосходство в силах, они начали заходить с тыла. Но и к партизанам подошло подкрепление.

Игорь сам поднял бойцов в атаку. Наши ребята дрались отчаянно. И несмотря на превосходящие силы противника и в численности, и в вооружении, пошли в рукопашный бой. И победили. Было убито 56 солдат противника, ранено — 26. Взяли 16 пулеметов, 1 миномет, 35 винтовок, 25 повозок с продовольствием, 15 повозок с амуницией. Двух гитлеровцев взяли в плен, ими оказались французы.

В конце августа 1943 года вместе с другими партизанскими отрядами активно действовал и 28-й партизанский отряд во главе с Игорем Александровым по разгрому в Березинском районе шести сильно укрепленных вражеских казарм. Разведчики доложили, что в казармах находятся 190 фашистских солдат. Казармы эти были обнесены двухметровой высоты стеной из двух рядов бревен, между которыми был засыпан песок. В стенах — бойницы во все стороны. Имелось шесть постов, и на каждом по два фрица с ручными пулеметами. По ночам гитлеровцами выставлялись заслоны возле блиндажей на опушке леса, неподалеку от деревни Дмитриовичи. У фрицев была телефонная связь с ближайшим гарнизоном и местечком Березино.

— Возьмете эту крепость? — спросил комбриг Жунин у командиров отрядов — Игоря

Александрова и Андрея Никитенко.

Ответ командиры дали в бою за эту «крепость».

Бой этот был очень тяжелым и продолжительным. Он длился уже четыре часа, когда начало светать. Из Березино на помощь гитлеровцам подошли один за другим три броневика, открывшие пулеметный огонь.

Но партизаны не дрогнули, не отошли, лишь усилили натиск. И победили. Было уничтожено много немецких солдат и офицеров, сожжены казармы и складские помещения.

Были потери и среди партизан.

Комбриг Жунин отмечал: «Все отряды справились с задачей. Но мне особенно было радостно за 28-й отряд. Игорь Александров впервые руководил такой серьезной операцией и доказал, что он зрелый командир. Александров сразу обрушился на каменную казарму. Взять ее было очень трудно. Пришлось открыть огонь из ПТР. Казарму взяли. Железнодорожную будку забросали гранатами. Только один взвод уничтожил 220 рельсов.

И в дальнейшем не была дня, чтобы партизаны не наносили ударов по железной дороге, шоссе и грунтовыми дорогам, по гарнизонам, опорным пунктам противника». В феврале 1944 года первая рота 28-го отряда вступила в бой с превосходящими силами фашистов неподалеку от деревни Сомры. Немцы вели огонь из минометов и автоматического оружия. Партизаны подпустили карателей метров на 50 и начали интенсивный обстрел. В этом бою враг потерял 35 человек убитыми и около 30 ранеными. Партизаны потеряли в этой схватке командира отделения.

Конец 1943 - начало 1944 года

По решению Белорусского штаба партизанского движения, вновь созданная партизанская бригада из 4-х отрядов под командованием Жунина С.Г. передислоцировалась в Брестскую область.

Выступали отряды утром 5 декабря 1943 года. Другие четыре партизанских отряда, и в их числе 28-й отряд, оставались на месте.

Расставание было нелегким. С.Г. Жунин вспоминал, как Игорь Александров пришел к нему и с обидой проговорил:

— Покидаете нас... Почему не взяли с собой мой отряд?

— Не переживай, Игорь. Ты нужен здесь.

— Оно, конечно, воевать везде нужно, — ответил Игорь.

Мы обнялись, пожали друг другу руки. Сердце билось тревожно, как бы предчувствуя, что уже никогда не встретимся с этим боевым и умным командиром.

Комиссар бригады Петров утешительно произнес Жунину:

— Ещё встретишь своих воспитанников. Правда, характер у Игоря горячеватый, под пули бросается».

Тяжелые предчувствия, к сожалению, сбылись.

Последняя встреча

Заканчивалась зима 1943-44 года. Как-то днем я отдыхала в одной из хат все той же Смогилевки. Залезла на печь и уснула, положив пальто свое в избе на лавку. В хату заскочили партизаны какие-то, взяли мое пальто, бросив взамен светло-зеленую суконную шинель образца гражданской войны. Когда они вышли, сели в сани и укатили, хозяйка разбудила меня и сказала, что взяли мое пальто. Я разревелась от обиды. Командир отряда Игорь в это время был в деревне. Ему тут же рассказали о случившемся. Я знала, что он в деревне, но жаловаться к нему не пошла. Он сам пришел, расспросил, как все произошло, и тут же дал команду находившемуся с ним начальнику разведки отряда: догнать нахалов, отобрать пальто, вернуть его Катерине, об исполнении доложить лично. Вскоре начальник разведки вернулся и по всей форме доложил Игорю: задание выполнено, пальто отобрано у нахалов и возвращено. Суконная, «белогвардейская», как я ее окрестила, длиннющая шинель осталось мне. Из нее я потом сшила теплую юбку и гимнастерку. Игорь остался в хате. Разговаривали. Шутили.
— Я и не знал, что ты умеешь так плакать.

Я не могла тогда предположить, что эта встреча будет последней. Не знала, не чувала я тогда, что никогда уже больше не увижу его, и он меня не увидит. Не скажет добрых слов, не посмеется, не поможет ...

Гибель командира

В начале апреля* 1944 года случилось страшное, непоправимое, роковое несчастье. Погиб командир нашего 28-го партизанского отряда Игорь Петрович Александров.

(* У мамы написано «в апреле», но по документам, он погиб 22 марта -- МГ).

«Погиб Александров Игорь Петрович, бесстрашный и лихой, одаренный организатор и прекрасный комсомолец» (комбриг Жунин С.Г.)

А произошло это так:

Как часто бывало и ранее, Игорь на своем красавце Зайчике сам отправился в опасную разведку в сопровождении своего неизменного «Санчо Пансы» — Борьки, который тоже был верхом на лошади. На глухой лесной дороге наши всадники внезапно, как это часто бывает на войне, нарвались на тщательно замаскированную фашистскую засаду. Игоря буквально изрешетили пулями.

«С седла упал он, кровью обливаясь,

достойно, молча умер, как герой».

Борьке на этот раз удалось остаться в живых.

Весть о гибели командира ошеломила... потрясла партизан.

«Что в жизни успел он?

Отдать за Отчизну ее».

Всем невыносимо трудно было привыкать к мысли, что Игоря не стало. Друг Игоря Аким Айсаев, узнав о случившемся, не находил себе места от горя. Аким вместе с Игорем был в фашистском плену, вместе готовились к побегу, перешли к партизанам. Разве мог он — Айсаев, забыть то утро 7 апреля 1942 года?! За небольшой речушкой Самоглинка, в густом ельнике, встретил он тогда Игоря. Вместе стали разведчиками.

«Аким Любил Игоря не только как отважного боевого товарища, но и просто по-человечески. Как он сам признавался, ему все нравилось в Игоре, и он восхищался

другом: высокий рост, стройная фигура атлета, темно-каштановые волосы, ясно-голубые глаза, миловидные черты лица.

Разве мог забыть Аким, как Игорь стал первым подрывником в отряде, потом научил этому делу и Леню Лукашевича, с которым никогда не расставался; как Игорь увлекал за собою партизан на любое рискованное задание; как обычно, для отвлечения от беспокойных мыслей, рассказывал о забавных, смешных случаях из своей короткой спортивной биографии, из воинской службы. Ни при каких обстоятельствах не давал никому ни унывать, ни падать духом, ни сомневаться в поставленных целях. С Игорем любили ходить на боевые дела». **

(Этот отрывок у мамы закавычен, она его у кого-то позаимствовала. Ссылки нет. Не знаю, откуда он –МГ)

Он «под пулеметный стрекот мчался в бой.

Любил он жизнь, рискован был и смелым,

Азартно увлекал нас за собой». ***

(то же самое –МГ)

Комбриг Жунин С.Г. вспоминал, как в апреле 1942 года появившийся у партизан Игорь Александров также очень понравился ему вначале чисто по-человечески: «открытая задушевная улыбка, веселый нрав, стройная спортивная фигура как-то сразу выделили его среди пополнения».

Не замедлил Игорь отличиться в выполнении ответственных боевых заданий как разведчик и подрывник. 7 марта 1943 года (еще до того, как стал командиром отряда) он в числе первых в бригаде был награжден Орденом Красного Знамени за боевые дела.

И именно ему — Игорю Александрову в июле 1943 года передал командование 28-м партизанским отрядом тяжело раненный в бою командир отряда Саша Терновский. Он написал: «Игорь! Я на тебя вполне надеюсь, честь и деятельность отряда ты не снизишь».

Хоронили Игоря на кладбище в деревне Дулебы Березинского района.

— Отомстим врагам за нашего родного командира! — говорил над свежей могилой Игоря комиссар отряда Федор Старовойтов.

«Мы тихо гроб в могилу опустили,

Поклялись: будем люто фрицам мстить.

Ты спи спокойно, командир любимый,

В сердцах у нас ты вечно будешь жить».

Награды

Орден Красного Знамени (посмертно)

Документы

Извещение о смерти (Похоронка)

Семья солдата

Автор страницы солдата

Страницу солдата ведёт:

Галынский Михаил Сергеевич

История солдата внесена в регионы:

[Москва](#), [Москва](#)

<https://www.moypolk.ru/soldier/aleksandrov-igor-petrovich?ysclid=ln0auucvm5326770394>